

И. В. Фомин
ОБРАЗЫ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ И КОСОВА
В РОССИЙСКОМ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: Косово, Южная Осетия, образ, дискурс, дискурс-анализ, непризнанные государства, внешняя политика России

В политической науке сегодня активно обсуждаются проблемы, связанные с различными аспектами государственности. В частности, внимание политологов привлекают категории статуса и состоятельности государства¹. В этом контексте представляется актуальным изучение дискурсивных аспектов государственности. Каким образом в том или ином дискурсе определенные образования репрезентируются как государства? Как влияет на дискурсивно конструируемые образы государств факт их признания или непризнания? Как и в какой мере в рамках политических текстов дискурсивно дифференцируются схожие ситуации сецессии? В поисках ответов на эти вопросы мы обратимся к анализу образов двух государственных образований с оспариваемым статусом — Южной Осетии и Косова — в российском внешнеполитическом дискурсе.

Для того чтобы зафиксировать все нюансы репрезентации этих двух государственных образований, необходимо провести комплексный семиотический анализ их образов с применением аналитической схемы, предполагающей три уровня описания (соответствующие трем уровням семиотики²): семантический, синтаксический и прагматический. Каждый из этих уровней требует применения собственных процедур дискурсивного анализа:

- семантический уровень отражает функциональный аспект образа, то есть характеризует его с точки зрения того, что актер «делает». Описание образа на уровне семантики выглядит как описание набора действий, выполняемых тем или иным актором;
- синтаксический уровень отражает качественный аспект образа и характеризует актора с точки зрения тех ролей, которые он играет в повествованиях, входящих в анализируемый дискурс;
- прагматический уровень характеризует образ с точки зрения зафиксированных в нем позиций, намерений и оценок, продиктованных определенными социальными интересами. Образ при этом описывается через набор дискурсивных стратегий, реализованных в его отношении³.

¹ Ильин [Il'in] 2011; Кудряшова [Kudryashova] 2011; Мелешкина [Meleshkina] 2011; Немм [Nettle] 2012.

² Моррис [Morris] 1983: 38.

³ Подробнее о различных аспектах дискурсивного анализа образов см. Фомин [Fomin] 2012.

При формировании корпуса текстов, которые станут предметом анализа, требовалось отобрать такие, которые не только содержательно соответствуют задачам изучения югоосетинского и косовского образов, но и репрезентативны по отношению ко всему официальному дискурсу российской внешней политики. Этому условию, на наш взгляд, отвечают тексты, автором которых считается российский президент, — поскольку, согласно Конституции РФ, руководство внешней политикой страны осуществляет именно он.

Временные рамки были заданы периодом с 2008 по 2012 г. Выбор 2008 г. в качестве начальной точки исследования объяснялся тем, что в этом году произошли существенные сдвиги в международном статусе обоих государственных образований. Для Косово моментом сдвига стало принятие 17 февраля 2008 г. декларации о независимости республики⁴, для Южной Осетии — Пятидневная война августа 2008 г. На сегодняшний день независимость Косова признали 103 из 193 членов ООН⁵, независимость Южной Осетии — Россия, Никарагуа, Венесуэла, Науру и Тувалу. При определении закрывающей темпоральной границы мы опять-таки исходили из того, что в России внешней политикой руководит именно президент: в 2012 г. Д.Медведева на этом посту сменил В.Путин.

После отбора текстов по указанному набору критериев был сформирован массив из 36 текстов. Их анализ и лег в основу представляемых ниже семантических, синтаксических и прагматических описаний образов.

**Семантический
аспект образа
Южной Осетии**

Изучение официальных внешнеполитических текстов позволяет заключить, что образ Южной Осетии в российском политическом дискурсе складывается из образов двух самостоятельных акторов — *народа Южной Осетии* и собственно (*Республики*) *Южной Осетии*. Применительно к каждому из акторов можно выделить фиксированный набор предидируемых ему действий, причем действия, приписываемые народу Южной Осетии, редко совпадают с действиями, приписываемыми Республике Южная Осетия.

В проанализированном массиве текстов иногда упоминаются также руководители⁶ и государственные органы Южной Осетии, но не настолько часто, чтобы вести речь об их вкладе в ее образ. По сути, единственным текстом, в котором отдельные органы республики (президент и парламент) фигурируют в качестве значимых акторов, является заявление президента России о признании Абхазии и Южной Осетии⁷. При этом единственным действием главы республики оказывается обращение к России с просьбой о признании, а единственным действием республиканского парламента — принятие решения, на котором такое обращение основывается.

В некоторых из исследованных текстов можно найти эпизоды, когда о Южной Осетии говорится не как о государстве или нации, а как

⁴ *Kosovo 2008*.

⁵ *El Salvador s.a.*

⁶ *Заявления [Zajavlenija] 2008; Поздравление [Pozdravlenie] 2012.*

⁷ *Заявление [Zajavlenie] 2008.*

о случае, проблеме или конфликте. Но опять же такие эпизоды встречаются относительно редко.

Что касается действий, предсказуемых двум основным акторам — *Южной Осетии* и *народу Южной Осетии*, — то при всех различиях в формулировках, используемых в конкретных текстах, их можно свести аналитически к следующим событиям (указаны пропозиции, встречающиеся более чем в одном тексте).

Народ Южной Осетии:

- стремится к самостоятельности, боролся за независимость, высказался за независимость республики на референдуме;
- подвергся опасности истребления, геноцида;
- является тем, чье возможное истребление стало причиной, а защита и сохранение — целью признания Южной Осетии Россией;
- пережил страдания, преодолел испытания;
- получил защиту в лице России, спасен Россией;
- является тем, чье сосуществование с грузинским народом в одном государстве стало невозможным после агрессии, инициированной Саакашвили.

Южная Осетия:

- объявила о суверенитете;
- подверглась агрессии со стороны Грузии, которую остановила Россия;
- подверглась агрессии, которая привела к гибели людей;
- подверглась агрессии, которая стала угрозой для международного правопорядка, показала несовершенство системы европейской безопасности;
- является тем, чью независимость признала Россия;
- является отдельным субъектом международного права, независимым государством, новым государством;
- нуждается в поддержке;
- связана с Россией несколькими договорами;
- стремится восстановить экономику и социальную сферу;
- является государством, с которым Россия строит партнерские, дружеские отношения;
- установила дипломатические отношения с Россией;
- стремится к миру, безопасности, развитию и стабильности вместе с Россией;
- является государством, которое Россия защищает от новой агрессии, которому Россия обеспечивает безопасность;
- имеет много проблем;
- стремится строить институты;
- стремится защищать свои границы;
- получает помощь от России.

Итак, в официальном российском дискурсе народ Южной Осетии представлен прежде всего как актер, стремящийся к созданию независимого государства и вместе с тем подвергающийся опасности, нуждающийся в защите. Признание государственности Южной Осетии — один из способов обеспечить такую защиту.

В свою очередь, образ Южной Осетии как государства тесно связан с признанием ее независимости. Важную часть этого образа составляют сюжеты, связанные с установлением отношений с Россией и послевоенным развитием. При этом, как и в случае с народом Южной Осетии, весомую роль в нем играет пребывание в роли объекта агрессии.

**Синтаксический
аспект образа
Южной Осетии**

⁸ См. Греймас [Greimas] 2000: 158—163.

⁹ Определенный актант охватывает целый класс персонажей и может воплощаться в самых различных «актерах», в том числе в нескольких.

При синтаксическом разборе образа Южной Осетии в российском внешнеполитическом дискурсе были задействованы как сами официальные тексты, так и выявленные в ходе семантического анализа наборы эпизодов. В качестве аналитического инструмента на данном этапе использовалась актантная схема А.Ж.Греймаса⁸.

Актантная схема Греймаса позволяет рассматривать любые повествовательные тексты с точки зрения распределения в них грамматических ролей, исполняемых актерами на уровне текстов в целом, что, в свою очередь, дает возможность установить, как соотносятся в дискурсе те или иные акторы. При разработке своей схемы Греймас отталкивался от синтаксической структуры обычного повествовательного предложения, предполагающей наличие субъекта, объекта, обстоятельства и дополнения. В соответствии с этим в модели Греймаса выделяются три семантические оси и шесть актантов:

- 1) ось желания (Субъект — Объект);
- 2) ось испытаний (Помощник — Противник);
- 3) ось коммуникации (Адресант — Адресат) (см. рис. 1).

Рисунок 1 Актантная схема А.Ж.Греймаса

¹⁰ Возможны также сюжеты, где Субъект стремится избавиться от Объекта, разорвать связь с ним.

Поясним роли, характерные для каждого из актантов⁹:

- Субъект ориентирован на Объект, стремится к установлению связи с ним (желает или ищет его)¹⁰;
- Помощник способствует установлению связи между Субъектом и Объектом;

- Противник препятствует установлению связи между Субъектом и Объектом;
- Адресант транслирует запрос на установление связи между Субъектом и Объектом;
- Адресат выигрывает от установления связи между Субъектом и Объектом (Адресант и Адресат часто совпадают).

В рамках исследования образов Южной Осетии и Косова для каждого из анализируемых текстов строилась актантная схема, в которую вписывались основные акторы и события, фигурирующие в повествовании, что позволило выявить тексты, сходные с точки зрения распределения актантных ролей, а также определить схемы, общие не только для конкретных текстов, но и для всего дискурса. В результате были выявлены четыре актантные схемы, характеризующие образ Южной Осетии в исследуемом дискурсе.

Первый из сюжетов разворачивается вокруг отношений между Грузией (или лично Саакашвили) и Южной Осетией, выстраивающихся по оси желания. При этом в текстах, где реализуется такая структура, представлены тематические силы с разным знаком. В одних текстах речь идет о желании Грузии обладать Южной Осетией, в других — о желании уничтожить ее (или ее народ). Впрочем, как отмечает сам Греймас, тематические силы на оси желания могут отражать как «желание воссоединиться, обрести», так и «фобию» (желание избавиться)¹¹. На общую схему сюжета подобного рода различия в нашем случае не повлияли.

В обобщенном виде схема с позитивной тематической силой (желание присоединить) приведена в *табл. 1*.

¹¹ Греймас [Greimas] 2000: 165.

Таблица 1 Актантная схема, характеризующая образ Южной Осетии (1)

<i>Адресант</i>	<i>Объект</i>	<i>Адресат</i>
	Южная Осетия Абхазия	Гибель людей Гуманитарные проблемы Угроза мировому правопорядку
<i>Помощник</i>	<i>Субъект</i>	<i>Противник</i>
Россия пытается сохранить территориальную целостность Грузии Война Геноцид народа Южной Осетии	Грузия	Россия вмешивается в конфликт в Южной Осетии Россия признает независимость Южной Осетии Признание Южной Осетии Россией Народ Южной Осетии Южная Осетия Здравый смысл Международное право

Южная Осетия в данной схеме выступает в актантных ролях Объекта и Противника. Кроме того, она косвенным (пассивным) образом составляет элемент пропозиции, задействованной в актантах Помощник и Противник: геноцид югоосетинского народа — одно из средств, нацеленных на силовое присоединение республики к Грузии; признание Южной Осетии Россией — способ предотвратить такой поворот событий.

Несколько реже встречается в корпусе исследованных текстов другая схема распределения актантных ролей, хотя ее тоже можно назвать одной из доминирующих в российском политическом дискурсе. Эта схема описывает набор событий, сходный с тем, что охватывается схемой первого типа, однако с точки зрения повествовательной синтактики она выстроена иначе (см. табл. 2).

Таблица 2 Актантная схема, характеризующая образ Южной Осетии (2)

<i>Адресант</i>	<i>Объект</i>	<i>Адресат</i>
	Независимость Государственность Суверенитет	
<i>Помощник</i>	<i>Субъект</i>	<i>Противник</i>
Право на самоопределение Референдумы в РЮО и Аб- хазии Российское признание	Народ Южной Осетии Народ Абхазии	

В этой схеме народ Южной Осетии предстает в роли Субъекта, стремящегося обрести государственность, независимость, самостоятельность и т.п. Решению этой задачи способствует, в частности, признание Южной Осетии Россией. При этом в качестве средства обретения независимости иногда указывается проведенный в РЮО референдум, а также право югоосетинского народа на самоопределение.

Интересно, что в такого рода сюжете обычно вообще не отражены действия Грузии.

Третий тип актантной конфигурации закрепляет за Россией роль Субъекта, ориентированного на противоречивый набор Объектов: сохранение территориальной целостности Грузии и соблюдение прав югоосетинского народа (см. табл. 3). В данной схеме Южная Осетия оказывается представлена лишь в пассивной роли и косвенно — в контексте признания ее Россией (Помощник) и в форме указания на интересы жителей республики (Объект).

Таблица 3 Актантная схема, характеризующая образ Южной Осетии (3)

<i>Адресант</i>	<i>Объект</i>	<i>Адресат</i>
	Территориальная целостность Грузии Защита интересов осетин и абхазов Защита жизней жителей РЮО	
<i>Помощник</i>	<i>Субъект</i>	<i>Противник</i>
Российские миротворцы Международные усилия Признание РЮО Россией	Россия	Грузия

Следует отметить, что рассмотренные выше сюжетные схемы описывают преимущественно события, происходившие до признания Южной Осетии Россией или сразу после этого. Для текстов, созданных в более поздний период, характерны иные актантные конфигурации. Наиболее распространенная из них представлена в *табл. 4*.

Таблица 4 Актантная схема, характеризующая образ Южной Осетии (4)

<i>Адресант</i>	<i>Объект</i>	<i>Адресат</i>
Международное право	Мир Стабильность Развитие абхазского и югоосетинского народов Безопасность Партнерство Независимость РЮО и Абхазии	
<i>Помощник</i>	<i>Субъект</i>	<i>Противник</i>
Договоры Признание со стороны России	РЮО Абхазия Россия	

В этом типе повествования тоже присутствуют эпизоды, связанные с признанием Южной Осетии Россией, однако обсуждаемая проблематика дополнена темами, касающимися послевоенного развития РЮО и выстраивания ее отношений с Россией. Зачастую в этих сюжетах и РЮО, и РФ фигурируют в роли Субъектов, стремящихся обеспечить безопасность, восстановление и развитие Южной Осетии. При этом крайне важным смысловым узлом выступает заключение

договоров о сотрудничестве между Россией и РЮО. В целом ряде текстов этот момент оказывается в позиции Помощника при соответствующих Субъекте и Объекте.

**Прагматический
аспект образа
Южной Осетии**

Исследование способов референции, используемых в российском внешнеполитическом дискурсе при указании на Южную Осетию, позволяет заключить, что доминирующей стратегией при конструировании ее образа является этатизация, то есть попытка представить РЮО как полноценное государство. При реализации этой стратегии задействуются разные приемы. Встречается как относительно мягкий вариант именованья, допускающий двойственную трактовку, — *Южная Осетия*, так и жесткий, подразумевающий целенаправленное подчеркивание полноценного государственного статуса республики — *Республика Южная Осетия, суверенная Южная Осетия, суверенное государство, независимое государство, субъект международного права, новая страна, молодое югоосетинское государство и т.п.*

Заслуживают внимания и референциальные стратегии, которые применяются при репрезентации населения республики. Как уже говорилось, народ Южной Осетии выступает одним из основных акторов, составляющих часть широкого образа Южной Осетии. При этом в проанализированных текстах обозначения *народ Южной Осетии, население Южной Осетии, граждане Южной Осетии, югоосетины и осетины* используются без какой-либо очевидной дифференциации. Такого рода подход имеет явную политическую подоплеку, поскольку отнюдь не все жители Южной Осетии являются осетинами или относятся к югоосетинскому народу.

Точные данные об этническом составе жителей нынешней Южной Осетии отсутствуют, однако известно, что до августа 2008 г. на ее территории существовали анклав с грузинским населением. После Пятидневной войны эти анклавы были уничтожены, и этнические грузины были вынуждены покинуть республику¹². В этом контексте дискурсивная редукция населения Южной Осетии до его осетинского компонента может рассматриваться как целенаправленная политическая стратегия, реализующаяся через дискурс.

При конструировании образа Южной Осетии немалую роль играет и дискурсивная стратегия радикального исключения в отношении грузинских беженцев, покинувших территорию республики после начала югоосетинского конфликта. По данным Временной администрации Южной Осетии¹³, их численность достигает 25 тыс. человек¹⁴. И хотя адекватность этой цифры можно подвергнуть сомнению, очевидно, что полное игнорирование проблемы беженцев представляет собой один из дискурсивных ходов, направленных на формирование политически ангажированного образа республики.

При переходе от вопросов референции к вопросам предикации нацеленность российского внешнеполитического дискурса на этатизацию

¹² Эдуард Кокойты [Ehduard Kokoity] 2008.

¹³ Временная администрация Южной Осетии — альтернативное правительство Южной Осетии, созданное по инициативе грузинских властей.

¹⁴ Абхазия [Abkhazija] 2013: 35.

Южной Осетии оказывается несколько размытой. И хотя в тех текстах, где описывается ситуация, предшествующая признанию РЮО Россией, народ Южной Осетии дискурсивно активизируется (ему приписываются стремление к независимости и борьба за ее обретение), применительно к собственно Южной Осетии ни о какой выраженной активации речи не идет.

Что касается действий, предсказуемых Южной Осетии, то в исследуемом дискурсе ей отводится пассивная роль получателя государственного признания. При этом субъектность Южной Осетии выражена слабо (пассивация). Даже в тех случаях, когда она выступает в актантной роли Субъекта, ее участие в повествовании зачастую ограничивается желанием обрести нечто (государственность, институты и т.п.) при отсутствии пропозиций, которые отражали бы усилия, направленные на достижение желаемого. Подобного рода усилия повсеместно приписаны России либо так или иначе опосредованы ею (договоры о сотрудничестве, помощь, партнерство и т.п.).

Дополнительным фактором пассивации образа Южной Осетии является ее дискурсивная виктимизация. Одним из доминирующих поводов для ее упоминания оказывается ситуация, где она предстает в роли жертвы (предмет агрессии, жертва геноцида, объект нападения и т.п.).

С учетом весомого места в дискурсе темы сотрудничества между Россией и Южной Осетией можно было предположить, что при конструировании образа новопровозглашенной республики будет задействована стратегия позитивной оценочной референции и предикации, однако эта гипотеза не нашла подтверждения. В оценочном отношении образ Южной Осетии выдержан скорее в нейтральных тонах. Вместе с тем налицо явная тенденция к ассоциации между говорящим (адресантом) и Южной Осетией. В целом ряде текстов (особенно с актантной конфигурацией, представленной в *табл. 4.*) при упоминании Южной Осетии и России, президентов России и Южной Осетии и т.п. используются личные местоимения первого лица множественного числа.

**Семантический
аспект образа
Косова**

Как и в случае с Южной Осетией, на первом этапе анализа образа Косова был выделен набор пропозиций, наиболее часто встречающихся в рассматриваемых текстах в связи с упоминанием этого государственного образования. При этом удалось зафиксировать два основных типа таких пропозиций. Первый из них сгруппирован вокруг *Косова как самопровозглашенного государства*, второй — вокруг *казуса Косова (примера Косова и т.п.)*.

Круг действий, приписываемых Косову и косовскому казусу, довольно узок.

Косово:

- провозглашает свою независимость;
- в нарушение международного права признается рядом стран;

- было отделено и признано в результате усилий ряда стран;
- установило отношения с рядом стран;
- не признано рядом государств.

Казус Косова:

- свидетельствует о слабости действующих механизмов безопасности, делает насущным вопрос о подписании специального соглашения о европейской безопасности;
- является прецедентом;
- имеет альтернативы, основанные на международном праве (косовское урегулирование);
- аналогичен ситуации с признанием Южной Осетии Россией.

Необходимо отметить, что хотя количество пропозиций для *Косова* и *казуса Косова* примерно одинаково, концептуализация в виде казуса в исследованном материале гораздо более распространена.

Из приведенного набора пропозиций видно, что в российском внешнеполитическом дискурсе Республика Косово упоминается преимущественно в связи с ее самопровозглашением и признанием. Никакие другие действия косовской стороны не представлены.

**Синтаксический
аспект образа
Косова**

На этапе построения актантных схем мы столкнулись с серьезной проблемой. Дело в том, что в целом ряде российских внешнеполитических текстов Косово представлено сугубо периферийно и никак не включено в общую схему повествования, подчиняясь скорее риторическим задачам, нежели повествовательной грамматике. Тем не менее для многих текстов актантные схемы построить удалось.

В первой схеме (см. *табл. 5*) признание Косова и его отделение от Сербии выступают в роли Объектов, на которые устремлен Субъект в виде некоторых стран (в текстах эти страны обычно не обозначены). При этом указывается, что достижение подобных целей требует преодоления препятствий, диктуемых международным правом.

Несколько иная конфигурация сюжетного элемента, связанного с независимостью Косова, отражена во второй схеме (см. *табл. 6*).

Таблица 5 Актантная схема, характеризующая образ Косова (1)

<i>Адресант</i>	<i>Объект</i>	<i>Адресат</i>
	Отделение Косова от Сербии Признание Косова	
<i>Помощник</i>	<i>Субъект</i>	<i>Противник</i>
Усилия некоторых стран	Некоторые страны	Международное право

Таблица 6 Актантная схема, характеризующая образ Косова (2)

<i>Адресант</i>	<i>Объект</i>	<i>Адресат</i>
	Глобальное доминирование	Размежевание в международной жизни Косово (Провозглашение независимости Косова) Реанимация политики сдерживания
<i>Помощник</i>	<i>Субъект</i>	<i>Противник</i>
Односторонние действия США	США	Россия

В соответствии с зафиксированной в ней логикой повествования провозглашение независимости Косова оказывается следствием (Адресатом) стремления США (Субъект) к глобальному доминированию (Объект) посредством односторонних действий (Помощник).

О том, как встроена в российский внешнеполитический дискурс позиция России по вопросу о косовском урегулировании, можно судить на основании третьей схемы (см. табл. 7). С точки зрения представленной в ней актантной конфигурации позиция России выступает в роли Помощника, способствующего обеспечению национальных интересов Сербии (Субъект-Объект).

Таблица 7 Актантная схема, характеризующая образ Косова (3)

<i>Адресант</i>	<i>Объект</i>	<i>Адресат</i>
	Национальные интересы Сербии Территориальная целостность Сербии	
<i>Помощник</i>	<i>Субъект</i>	<i>Противник</i>
Россия Неприятие Россией признания Косова	Сербия	

Как видим, ни в одной из актантных схем Косово не представлено напрямую в виде действующего актора. Роль, отводимая Косову в российском внешнеполитическом дискурсе, косвенная и пассивная, и косовская проблематика обсуждается преимущественно через призму взаимодействия других акторов — России, США и Сербии.

**Прагматический
аспект образа
Косова**

На основе изучения способов референции, используемых в рассматриваемых текстах при упоминании Косова, можно заключить, что доминирующей стратегией при конструировании его образа в российском внешнеполитическом дискурсе является деэтизация, то есть попытка дискурсивно утвердить отсутствие у республики государственного статуса. В качестве проявлений данной стратегии можно рассматривать отсутствие в исследованных текстах указаний на Косово как на государственное образование (*Республика Косово, государство Косово*), а также именование его регионом в составе Сербии (*регион, самопровозглашенный регион, Косово и Метохия*)

Дополнительным средством деэтизации Косова в российском дискурсе служит стратегия абстрактизации: как уже говорилось, Косово репрезентируется в нем преимущественно не в качестве (квази)государства или хотя бы социального актора, а в качестве проблемы, случая, казуса. При этом подобной репрезентации образа зачастую сопутствуют негативные оценки. Так, в одном из проанализированных текстов о Косово говорится как о «крайне опасном, неудачном прецеденте».

Референциальную стратегию деэтизации дополняет предикационная стратегия пассивации, которая проявляется как в синтаксисе предложений и словосочетаний, так и в более широкой повествовательной синтактике. На уровне предложений и словосочетаний Косово в российском политическом дискурсе почти никогда не фигурирует в активной грамматической роли. Даже когда речь идет о действиях, предпринимаемых Косовом (*провозглашение независимости*), вместо активных конструкций (*Косово провозгласило независимость*) обычно используются посессивные — *провозглашение независимости Косова, отделение Косова*.

Что касается уровня повествовательной грамматики, то, как нетрудно заметить на примере приводившихся выше актантных схем, эпизодам, связанным с Косовом, отводятся большей частью пассивные роли Объекта или Адресата. А в некоторых повествованиях Косово вообще оказывается представлено только косвенно — будучи упомянуто, но не включено в дискурс в качестве действующего лица.

**Сравнение образов
Южной Осетии
и Косова**

Отталкиваясь от вышесказанного, суммируем результаты проведенного анализа, а затем сравним исследованные образы (см. табл. 8).

Южная Осетия. Образ Южной Осетии в российском внешнеполитическом дискурсе складывается из двух компонентов: образа *народа Южной Осетии* и образа *Республики Южная Осетия*. Народ Южной Осетии представлен прежде всего как актер, стремящийся к созданию независимого государства и в то же время подвергающийся опасности, нуждающийся в защите. Образ Южной Осетии как государства наиболее тесно связан с признанием Россией ее независимости. Кроме того, важной частью этого образа являются сюжеты, связанные с установле-

нием отношений с Россией и послевоенным развитием, а также с пребыванием Южной Осетии в роли объекта агрессии.

С точки зрения повествовательной синтактики роли Южной Осетии в основном таковы:

- Южная Осетия — Объект, которым при помощи военной силы (Помощник) стремится овладеть Грузия (Субъект), но этому препятствуют Россия и югоосетинский народ (Противник);
- народ Южной Осетии (Субъект) желает обрести независимость (Объект) и получает от России помощь в виде признания своей государственности (Помощник);
- народ Южной Осетии — предмет заботы со стороны России (Субъект), которая хочет спасти его от истребления (Объект) и для этого признает государственность РЮО с опорой на международное право (Помощник);
- Южная Осетия (Субъект) стремится к независимости, миру, безопасности и развитию (Объект). Всего этого Южной Осетии желает и Россия (Субъект). Сотрудничество России и Южной Осетии (Помощник) — средство достижения данных целей.

С точки зрения прагматики применительно к образу Южной Осетии в российском политическом дискурсе реализуются следующие стратегии:

- этатизация (попытка дискурсивно закрепить государственный статус образования посредством особых приемов референции);
- недифференцированная репрезентация народа Южной Осетии, населения Южной Осетии и югоосетин, а также радикальное исключение сюжетов, связанных с грузинским населением;
- пассивация и виктимизация;
- репрезентация общности между Южной Осетией и говорящим.

Косово. Республика Косово фигурирует в российском внешнеполитическом дискурсе исключительно в связи с ее самопровозглашением и признанием. Косово репрезентируется преимущественно не как государственное или квазигосударственное образование, а как проблема, казус, случай.

С точки зрения повествовательной синтактики роли Косова в основном таковы:

- отделение и признание Косова (Объект) — предмет усилий со стороны ряда государств (Субъект), которые действуют вопреки международному праву (Противник);
- провозглашение независимости Косова (Адресат) — одно из следствий стремления США (Субъект) к глобальной гегемонии (Объект), которую они стараются обеспечить посредством односторонних действий (Помощник) и которой противостоит Россия (Противник);
- неприятие Россией независимости Косова (Помощник) — поддержка устремлений Сербии (Субъект) к сохранению территориальной целостности (Объект).

С точки зрения прагматики применительно к образу Косова в российском политическом дискурсе реализуются следующие стратегии:

- деэтизация;
- проблематизация (референциальная стратегия, предполагающая репрезентацию чего-либо в виде проблемы);
- негативная оценка;
- пассивация.

Представленное в *табл. 8* сравнение показывает, что образы Южной Осетии и Косова не полностью полярны, хотя и не совсем идентичны.

Таблица 8 Сравнение образов Южной Осетии и Косова

	<i>Южная Осетия</i>	<i>Косово</i>	<i>Ряд</i>
<i>Сем.</i>	Республика Южная Осетия Народ Южной Осетии	Косово Казус Косова	1
	Стремление к независимости Получение признания Развитие	Стремление к независимости Получение признания	2
<i>Синт.</i>	Субъект — Грузия Объект — РЮО Противник — Россия (признание), народ ЮО Помощник — военная сила Грузии	Субъект — Сербия Объект — целостность Помощник — Россия (непризнание)	3
	Субъект — Россия Объект — спасение народа Южной Осетии Помощник — Россия (признание), международное право	Субъект — ряд государств Объект — отделение и признание Косова Противник — международное право	4
	Субъект — РЮО, Россия Объект — независимость, безопасность, развитие РЮО, мир Помощник — сотрудничество России и РЮО.	Субъект — США Объект — глобальное доминирование Адресат — провозглашение независимости Косова Помощник — односторонние действия США	5
	Субъект — народ Южной Осетии Объект — независимость Помощник — Россия		6
<i>Прагм.</i>	Этизация	Деэтизация	7
	Ассоциация с говорящим	Абстрактизация	8
	Пассивация	Пассивация	9
	Нейтральная оценка	Негативная оценка	10

На уровне семантики довольно существенно расходится набор акторов, из которых складываются соответствующие образы (ряд 1), однако в предпринимаемых этими акторами действиях имеются и сходства. В центре внимания находится провозглашение независимости данных образований и получение ими признания. В то же время в образ Южной Осетии входят сюжеты, связанные с дальнейшим развитием, тогда как в образе Косова подобных сюжетов нет (ряд 2).

На уровне повествовательной синтактики Южная Осетия и Косово в целом ряде случаев задействованы в своего рода зеркальных конструкциях со сходными смысловыми узлами на оси желаний (Субъект—Объект) и противоположными — на оси испытаний (Помощник—Противник) (ряд 3). В остальных актантных конфигурациях (ряды 4, 5, 6), характеризующих Южную Осетию и Косово, они демонстрируют серьезные различия. В целом можно сказать, что именно на уровне синтактики образы двух самопровозглашенных республик разошлись наиболее заметно.

На уровне прагматики образы Южной Осетии и Косова полярны с точки зрения стратегий референции и идентичны в плане применения к ним предикационной стратегии пассивации. При этом образ Южной Осетии окрашен скорее нейтрально, а образ Косова — негативно.

* * *

Детально описав и сопоставив образы Южной Осетии и Косова, мы можем сформулировать некоторые выводы о том, как репрезентируются в российском политическом дискурсе эти государственные образования.

1. В сложной ситуации, когда два схожих международных казуса по-разному трактуются с политической точки зрения, в семантике их образов обнаруживается немало сходных черт, однако набор действий, приписываемых Южной Осетии, оказывается гораздо шире за счет сюжетов, связанных с постконфликтным развитием. Кроме того, Южная Осетия зачастую представлена в дискурсе опосредованно — через югоосетинский народ, а Косово обычно репрезентируется не как международный актер, а как случай или прецедент. При этом из образа Южной Осетии радикально исключается все, что указывает на грузинский компонент ее населения.
2. В наибольшей степени образы Южной Осетии и Косова различаются на уровне синтактики: при наличии в ряде проанализированных текстов общих актантных конфигураций позиции двух государственных образований в них почти никогда не совпадают.
3. На уровне прагматики Южная Осетия репрезентируется как обладающая государственным статусом, наличие же такого статуса у Косова целенаправленно отрицается. Вместе с тем оба образования представлены в дискурсе как пассивные акторы, причем у Косова эта пассивность имеет оттенок негативности, а у Южной Осетии — виктимности.

Библиография

Абхазия и Южная Осетия. 2013. — М. [Abkhazija i Juzhnaja Osetija. 2013. — M.].

Греймас А.-Ж. 2000. Размышления об актантах моделей // *Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму.* — М. [Greimas A.J. 2000. Razmyshlenija ob aktantnykh modeljakh // Francuzskaja semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu. — M.].

Заявление Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева. 2008 [Zajavlenie Prezidenta Rossijskoj Federacii Dmitrija Medvedeva. 2008] (<http://kremlin.ru/transcripts/1222>).

Заявления после подписания договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с республиками Абхазия и Южная Осетия. 2008 [Zajavlenija posle podpisanija dogovorov o družbe, sotrudnichestve i vzaimnoj pomoshhi s respublikami Abkhazija i Juzhnaja Osetija. 2008] (<http://kremlin.ru/transcripts/1436>).

Ильин М.В. 2011. Пределы государственной состоятельности стран мира // *Политическая наука.* № 2 [Il'in M.V. 2011. Predely gosudarstvennoj sostojatel'nosti stran mira // Politicheskaja nauka. № 2].

Кудряшова И.В. 2011. Можно ли легитимировать сепаратизм, или О государственной состоятельности новых политий // *Политическая наука.* № 2 [Kudrjashova I.V. 2011. Mozhno li legitimirovat' secessii, ili O gosudarstvennoj sostojatel'nosti novykh politij // Politicheskaja nauka. № 2].

Мелешкина Е.Ю. 2011. Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? // *Политическая наука.* № 2 [Meleshkina E.Ju. 2011. Issledovanija gosudarstvennoj sostojatel'nosti: kakie uroki my mozhem izvlech' // Politicheskaja nauka. № 2].

Моррис Ч.У. 1983. Основания теории знаков // Степанов Ю.С. (ред.) *Семиотика.* — М. [Morris Ch.W. 1983. Osnovanija teorii znakov // Stepanov Ju.S. (red.) Semiotika. — M.].

Неттл Дж.П. 2012. Государство как понятие-переменная // *Метод.* № 3 [Nettle J.P. 2012. Gosudarstvo kak ponjatie-peremennaja // Metod. № 3].

Поздравление Леониду Тибилу с избранием на пост Президента Южной Осетии. 2012 [Pozdravlenie Leonidu Tibilovu s izbraniem na post Prezidenta Juzhnoj Osetii. 2012] (<http://kremlin.ru/news/14996>).

Фомин И.В. 2012. Возможности структурного исследования образов в политических дискурсах // *Политическая наука.* № 2 [Fomin I.V. 2012. Vozmozhnosti strukturnogo issledovanija obrazov v politicheskikh diskursakh // Politicheskaja nauka. № 2].

Эдуард Кокойты: Мы там практически выровняли все. 2008 // *Ъ-Газета.* 15.08 [Ehduard Kokoijty: My tam prakticheski vyrovnjali vse. 2008 // Ъ-Gazeta. 15.08] (<http://www.kommersant.ru/doc/1011783>).

El Salvador Recognizes Kosovo (<http://www.kosovo-news.com/2013/06/el-salvador-recognises-kosovo/>).

Kosovo Declaration of Independence. 2008 (<http://www.assembly-kosova.org/?krye=news&newsid=1635&lang=en>).